

Семен Франк

Максим Горький и марксизм. На смерть писателя 18 июня 1936 года¹

Советский Союз с большими почестями похоронил Максима Горького. Ничто не мешает почитать его как величайшего писателя большевистской России. Ему была вверена должность председателя Правления Союза писателей. Его родной город – Нижний Новгород – был переименован в его честь. После всего этого следовало бы предположить, что марксизм породил настоящего литературного творца. Возможно, это первый из грядущей серии гениев, которую уже готова произвести на свет руководимая партией, терроризируемая большевизмом, монополизированная государством фабрика по производству писателей в Советском Союзе? Или лучше сказать первая ласточка – примета грядущего лета, как его узрел сам умерший [Горький] еще в 1935 году, выступая на Пленуме Правления Союза писателей ...?²

На самом деле на Алексея Максимовича Пешкова, взявшего себе творческий псевдоним Максим Горький³, еще в 1895 году обратил внимание Короленко, один из его литературных наставников. Он же сделал его известным. Его рассказы из жизни люмпенпролетариата и мещанства довольно быстро снискали любовь и восхищение России и мира. Выросший в мелкобуржуазной семье, этот писатель, которого жизнь помотала по разным губерниям и заставила перепробовать разные профессии, стал родным для маленьких людей, для угнетенных, необразованных, изгоев; охваченный при этом истинной жаждой знания, он творил из необычайного богатства своего собственного опыта, отражая его с рожденным талантом рассказчика и в духе подлинной любви к народу и стране. Его искусство было взлелеяно богатством сказок его бабушки, романами французских буржуазных бульварных писателей, затем в первую очередь великим реалистом Бальзаком и, конечно же, литературой его собственной страны – Пушкиным, Гоголем, Достоевским, Толстым и всеми теми, чьи следы влияния также ощущаются в его творчестве. Не оставляет сомнения, что вплоть до драмы «На

¹ Maxim Gorki und der Marxismus. Zum Tode des Dichters am 18.VI. 1936 // Der Gral. Münster, 1935-1936. 30 Jahrg. P. 544-546.

² Сравнив речи Горького на Пленуме Правления Союза писателей 1935 года и его выступление на Первом Съезде Союза писателей 1934 года, можно прийти к выводу, что Франк все-таки имеет в виду речь писателя 1934 года. – О.Н.

³ В немецком оригинале некролога читателю объясняется значение псевдонима «горький». К этому объяснению он апеллирует далее в тексте. – О.Н.

дне», поставленной в 1903 году в Берлине гениальным Максом Райнхардтом и дававшейся пятьсот раз, о марксизме у Горького не может быть и речи. Бабушка, рассказывающая сказки, буржуазная бульварная литература, Гоголь, Толстой и Достоевский – какое отношение они имели к большевистской России? Но если коснуться и того особенного, что характеризует Горького, то не марксизм следует благодарить за создание определенного революционного настроения в отношении оглупевшего и опустившегося мелкобуржуазного сословия в старой России. И в конце концов люмпенпролетарии, как их описывает Горький, их исключительная личная гордость и открытие человека в каждом из них – какое отношение все это имеет к большевистскому коллективизму, ведь в нем отсутствует глубокое сострадание ко всем измученным человеческим существам, которое мы найдем у всех тех писателей его родины, которые являются настоящими русскими, но не большевиками? Подлинный Горький столь далек от большевизма, что уже из факта его причисления к государственным писателям можно сделать заключение о его крепкой дружбе с кремлевскими вождями. Эта дружба спасла его и от того, что его скупая похвала революции 1917 года не была поставлена ему в вину, что его борьба против большевистского террора хотя и принесла ему звание «изменника пролетариата», но не привела к расстрелу или концентрационному лагерю, что он в период очередного обострения отношений с Лениным в 1921 году «по медицинским соображениям» некоторое время смог провести за границей, вместо того, чтобы отправиться на курс лечения в Сибирь, что позже он заслужил должность и почести и смог в подлинно человеческой, а значит еще в меньшей степени большевистской манере заботиться об угнетенных работниках умственного труда, за что мы ему и сегодня искренне благодарны.

Еще один факт состоит в том, что после [пьесы] «На дне», представляющей собой квинтэссенцию и вершину всего его раннего творчества, слава Горького вернулась к нему еще раз и что причиной тому послужил марксизм. Писатель, который в то же время выступал в качестве революционного публициста, стал впоследствии ревностным пропагандистом «Эрфуртской программы», о которой вряд ли кто-то станет утверждать, что она содержит творческие импульсы. С той поры источником всего, что в некоторой степени еще обладает литературной ценностью в произведениях Горького, являются исключительно годы его юности, чьи образы и мотивы возвращаются вновь и вновь, и ни в коем случае не марксизм, который лишен какой бы то ни было плодотворной материнской почвы. Вплоть до [пьесы] «На дне» Горького сопровождает постоянный рост, с марксизмом «Эрфуртской программы» связано его непрерывное нисхождение. Сколь усердным в стремлении к образованию был маленький Алексей Максимович! Как возвысился он из низости своего положения! И теперь все закончилось. Марксизм не допускает подъема в область духа. Нельзя быть одновременно почитателем Карла Маркса и последователем Платона. Врата в царство идей останутся закрытыми и в тоже время его ожидает подмена неопределенной проповедью мира, свободы, справедливости, которая подобно миражу манит в пустыне

марксистской системы. В работах этих лет еще можно встретить маленькие оды искусству, воспеванию которого Горький научился когда-то, но все же надуманное, пропагандистское, демагогическое, неподлинное, выдуманное и сконструированное предательски выступает на первый план. В них по-прежнему еще так много привлекательного, того, что нужно массам, которые и сегодня жадно зачитываются этими книгами, но это ничтожно мало для писателя, который был способен перерасти Кнута Гамсуна⁴. Красивый, настоящий, захватывающий и вовсе не такой уж «горький» Горький вновь появляется в своей трилогии «Детство», «В людях», «Мои университеты», когда он возвращается в добольшевицкую Россию. Артур Лютер прав, когда он усматривает в этих повестях и в пьесе «На дне» то непреходящее, что составляет дело жизни Горького⁵.

Имеет ли Советская республика после всего этого право выдавать Максима Горького за своего писателя? На то есть столь же мало оснований, как и для сходной практики, когда объекты индустрии и паровозы царских времен украшают красными флагами и презентуют их как главные свидетельства прогресса Советской России, всегда рассчитывая при этом на безграничную неосведомленность образованных и необразованных масс.

В своей повести «Исповедь» Максим Горький рассказывает историю веселого Мигуна, который в трактирах пел крестьянам песни и при этом был вором. Поймав его в очередной раз, они решили отвести его в лес и там повесить. Он же принялся петь одну песню за другой. Они уже приготовили веревку, когда один крестьянин сказал: «Пускай ещё одну споёт, это ему вместо отходной будет!» Он спел эту песню, и это была такая красивая песня, что крестьяне смущенно сказали: «Ну его, ребята, ко всем псам! Удавишь – греха да склоки разной не оберёшься». И порешили они тогда его отпустить. «За талант твой, – говорят, – мы те и в пояс поклонимся, а за воровство всё-таки должны бока намять»⁶. Побили они его легонько, после чего вместе с ним и пошли домой... Также и мы кланяемся в пояс писателю, любившему свою русскую землю и свой русский народ и стремившемуся вывести его из состояния отупления и инертности, который, без сомнения,

⁴ Гамсуна упоминает и сам Горький в своей речи на Первом всесоюзном съезде советских писателей 1 сентября 1934 года в качестве примера «огромной фигуры», созданной «маленькой Норвегией». Максим Горький. <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/articles/article-271.htm>.

⁵ Артур Лютер (1876, Орел – 1955, Баден Баден) – филолог, историк литературы, переводчик, член «Московского Общества любителей русской словесности». Автор *Истории русской литературы*, изданной в 1924 в Лейпциге по-немецки, и многочисленных переводов русских литераторов на немецкий язык, в том числе работ Горького «Каин и Артем» (переведено как «Истории бродяг» («Geschichten von Landstreichen») Leipzig, 1927), «Мальва» (Leipzig, 1929), «Коновалов» (Leipzig, 1930). См. о Лютере: Харер Клаус. Тройные почести. А. Ф. Лютер и его «Воспоминания». Перевод М. Кореновой. Впервые опубликовано: Звезда. 2004. № 9. Журнальный зал. <http://magazines.russ.ru/zvezda/2004/9/kl12.html>. В оценке литературных достоинства Горького Франк во многом ориентируется на заключения Лютера, высказанные им в *Истории русской литературы*. См.: Luther A. Geschichte der russischen Literatur. Leipzig, 1924. P. 394-399. – О.Н.

⁶ Горький М. Исповедь. Berlin, 1908. С. 18. – О.Н.

в свои лучшие часы искренне искал Бога⁷. Мы кланяемся в пояс тому, кому была открыта тайна истинного искусства. Но и вором был он в тоже время, ведь он украл из душ своих читателей веру в потустороннее, веру в Спасителя, веру во все, что может дать силы и утешение в том числе и жителям ночлежки. Писателя, призванного извещать о глубочайшем в народной душе, большевизм превратил в расхитителя святыниц Святой Руси. Это сделал большевизм с Максимом Горьким.

Перевод с немецкого Оксаны Назаровой

⁷ Возможно, Франк имеет в виду участие Горького в так называемом «богостроительстве». – О.Н.